

Патрушев Сергей

Зелье Мэри

Сергей Патрушев

Зелье Мэри

<https://litres.ru/74488514>

SelfPub; 2026

Аннотация

В пыльном чреве парижского чердака «Прекрасная Мэри» смешивает лунную росу с химикатами. Она синтезирует власть.

Один вдох её розового эликсира превращает мужчин в послушных идолопоклонников, но формула требует идеальной точности. Когда капля становится океаном, безупречная любовь мутирует в слепую ярость.

Мужчины штурмуют особняки, чтобы разорвать создательницу на части, а сама алхимия начинает выжигать плоть изнутри. Чтобы спасти город от передозировки чувствами, ей придётся уничтожить своё величайшее творение и ту часть себя, которая жаждала поклонения.

Содержание

Глава 1. Тайная лаборатория на чердаке	4
Глава 2. Дебют и первая жертва	18
Глава 3. Триумфальное шествие	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Зелье Мэри

Глава 1. Тайная лаборатория на чердаке

Париж задыхался от июльского зноя. Даже когда сумерки опустились на бульвары, остывая раскаленный камень особняков и плавленное золото фонарей, воздух оставался густым, тяжелым, пропитанным запахами речной тины с Сены, конского навоза и увядающих роз из сада Тюильри. В это время года светское общество обычно спасалось бегством — кто-то устремлялся в прохладные туманы Довиля к соленому океану, другие прятались в альпийских шале Шамони, где ледники дышали вечной зимой. Но Прекрасная Мэри осталась.

Ее настоящее имя было Мари-Софи де Вильнёв, но для полусотни сплетников, заполнявших ложи Оперы и гостиные Сен-Жерменского предместья, она давно стала просто «la Belle Marie». Днем ее жизнь подчинялась строгому, безжалостному этикету. Она была украшением балов, живой статуей из слоновой кости и бархата, эталоном безупречного вкуса. Когда она входила в бальную залу под руку с очередным престарелым герцогом или юным наследником нефтяных приисков отца, разговоры стихали ровно на три удара сердца. Мужчины смотрели на нее так, как смотрят на ред-

кую фарфоровую вазу эпохи Мин в застекленной витрине: смесь благоговения, острого желания обладать и подсознательного страха разбить. Женщины же делились на два лагеря. Одни ненавидели ее до дрожи в пальцах, стискивая веры так, что костяные пластины трескали, другие пытались копировать изгиб ее шеи, оттенок пудры на ключицах и ту особую томную усталость во взгляде, которая стояла ей бессонных ночей.

Мэри улыбалась им всем. Ее улыбка была отточена годами практики до состояния хирургического лезвия — идеальная дуга, обнажающая жемчуг зубов, не затрагивающая льдисто-серых глаз. Она поддерживала легкую беседу о последней премьере балета Делиба, делала вид, что смущается от комплиментов маркиза де Бриссака, который уже третью неделю добивался права назвать ее своей официальной фавориткой, и незаметно считывала мужские взгляды. Взгляд жаждущий — этот купец хочет уложить меня в постель до рассвета. Взгляд оценивающий — этот банкир прикидывает размер моего приданого и стоимость содержания такого трофея. Взгляд скучающий — этот поэт ищет в моем лице лишь бледный холст для своих декадентских фантазий.

Никто. Ни один мужчина за все ее двадцать четыре года ни разу не посмотрел ей прямо в душу. Никто не видел за этой идеальной маской женщину, которая читает Спинозу в оригинале, разбирается в биржевых котировках лучше своего управляющего и презирает собственную красоту как са-

мую тяжелую, удушающую цепь. Красота была ее проклятием. Она запирала ее в золотой клетке чужих ожиданий плотнее любых решеток Бастилии.

Но едва часы в гостиной били полночь, а последний экипаж отъезжал от крыльца, рассыпая искры из-под копыт по брусчатке, маска падала.

В доме на улице Варенн, унаследованном ею от двоюродной бабки-герцогини, спали даже слуги. Старая экономка мадам Дюбуа храпела на первом этаже, уверенная, что хозяйка спит в своей спальне под балдахином из лионского шелка. Ключ от тяжелой дубовой двери на чердак хранился только у Мэри. Замок щелкнул сухо и коротко, отрезая ее от мира кружев, вальсов и фальшивых вздохов.

Чердак встретил ее запахом озона, жженой серы, едкого аммиака и сладковатым ароматом сухих трав. Это был совершенно другой мир, существующий перпендикулярно тому, что остался внизу. Никакой пыли, никакой паутины, никакого хлама старых сундуков. Пространство под скошенной крышей сияло стерильной чистотой операционной. Стены были обшиты листами полированной меди, отражающей малейший отблеск света. Высокие стрельчатые окна, выходящие во внутренний двор-колодец, никогда не открывались, чтобы случайный сквозняк или городская пыль не нарушили чистоту экспериментов. Под ними стояли тяжелые латунные рамы со стеклами разного цвета — синими, желтыми, красными фильтрами, позволявшими управлять спектром лун-

ного и звездного света.

Лаборатория занимала почти весь объем крыши. В центре возвышался массивный стол из черного мореного дуба, покрытый плитами огнеупорного базальта. На нем царил идеальный хаос творения. Ряды стеклянных реторт соединялись сложными змеевиками из кварцевого стекла. Десятки колб Эрленмейера выстроились по ранжиру согласно шкале pH, которую Мэри вывела сама эмпирическим путем задолго до того, как химики Сорбонны признали существование водородного показателя. Посреди стола громоздился главный алтарь ее одержимости — алейбик из цельного куска горного хрусталя, привезенный контрабандой из Константинополя. Его лебединая шея уходила в систему охлаждения, заполненную смесью дистиллированной воды и толченого аметиста.

По стенам тянулись стеллажи темного дерева. Нижние полки ломились от веса книг: фолианты Парацельса в переплетах из свиной кожи, трактаты Агриппы Неттесгеймского, запрещенные инквизицией гримуары Николя Фламелья, современные труды по органической химии Либиха и Менделеева, анатомические атласы с подробным описанием лимфатической системы человека. Верхние ярусы хранили ингредиенты. Сотни банок темного стекла. Здесь были сухие цветы белладонны, собранные строго в канун Иванова дня; порошок толченых единорогов (на самом деле — рог сибирского носорога, вымоченный в настойке мандрагоры); сушеные железы жабы-аги; кристаллы сульфата меди, дающие

раствору божественный сапфировый цвет; опиум из Золотого Треугольника; и главное сокровище коллекции — флакон с пылью метеора, упавшего в Провансе в восемьсот сорок втором году, который пах озоном и абсолютным холодом межзвездного пространства.

Мэри сбросила тяжелый парчовый плащ прямо на пол. За ним последовало корсетное платье цвета увядшей розы — конструкция из китового уса и стальной проволоки, которая днем требовала от нее дышать вполсилы. Она осталась в простой мужской батистовой рубашке, заправленной в свободные брюки из сурового полотна — одежду, заказанную у портного, привыкшего одевать конюхов. Волосы, уложенные парикмахером в сложную башню из локонов и перьев райской птицы, были небрежно скручены в тугий узел на затылке и закреплены простым кожаным шнурком.

Она подошла к столу и взяла в руки серебряный рефрактометр. Проверила уровень влажности воздуха — сорок семь процентов, идеально. Температура — восемнадцать градусов по Цельсию.

Сегодня должна была состояться сотая попытка. Девяносто девять раз котел взрывался ядовитыми парами, превращая содержимое в вязкую черную смолу, разъедающую стекло. Девяносто девять раз формула давала сбой на финальной стадии полимеризации. Но сегодня расчеты сошлись. Сегодня ночь летнего солнцестояния совпала с апогеем Луны, и астрологический аспект Марса к Венере обещал катализи-

ческий эффект.

— *Aqua Vitae*, тридцать унций, — произнесла она вслух, хотя слушателей, кроме гомункулуса-фамильяра, спящего в банке со спиртом на верхней полке, не было. Голос в лаборатории звучал иначе — ниже, свободнее, без аристократических манерных ноток. — Настой корня валерианы, нейтрализованный каплей азотной кислоты. Экстракт пассифлоры... нет, слишком ослабит волю объекта. Заменяем на синюю лобелию. Нам нужен контроль, а не летаргия.

Ее пальцы двигались стремительно и точно, словно руки хирурга или карточного шулера. Она взвешивала порошки на аптекарских весах с точностью до грана. Серебро лотка тускло поблескивало в свете газовых рожков. Сера. Сурьма. Три капли крови летучей мыши, пойманной в подземельях Пантеона. Щепотка истолченного в пыль перламутра для придания будущему чувству радужного оттенка.

Она ссыпала ингредиенты в нижнюю колбу хрустального алембика. Затем добавила тягучую, как свежий мед, вытяжку из золотых рыбьих пузырей — природный коллаген для связывания молекул эмоций. Жидкость в колбе мгновенно приобрела тревожный багровый оттенок. Мэри открыла вентиль подачи газа. Синее пламя горелки Бунзена с тихим шипением лизнуло толстое дно сосуда.

Процесс пошел. Сначала медленно. Жидкость лениво пузырилась, выпуская клубы сизого дыма, который тут же втягивался в вентиляционную трубу над столом. Мэри стояла

неподвижно, положив ладони на холодный мрамор столешницы, и смотрела сквозь выпуклое стекло. Для постороннего наблюдателя это выглядело бы как безумие богатой наследницы. Попытка купить любовь химическим путем казалась верхом отчаяния. Но Мэри знала цену этому отчаянию.

Дело было не в любви в ее романтическом понимании. Любовь делает слабой. Любовь заставляет прощать измены, закрывать глаза на глупость, отдавать свою силу добровольно. Мэри хотела иного. Ей нужна была власть. Абсолютная, безусловная, биохимическая власть над мужским сердцем.

«Фильтр Абсолютной Любви» — так она назвала свой проект в лабораторном журнале в кожаном переплете. Это не должно быть приворотное зелье деревенской ведьмы, вызывающее слюнявое обожание цепного пса. Нет. Ее эликсир должен работать тоньше. Он снимет с мужского восприятия социальную шелуху, статусные барьеры, страх отказа, влияние общественного мнения и материнские установки. Выпивший его увидит в ней не «Прекрасную Мэри», украшение гербария высшего света, не богатую невесту и не модный аксессуар. Сквозь призму фильтра он увидит чистую квинт-эссенцию ее личности. И полюбит именно эту суть — резкую, умную, порой жестокую, бесконечно одинокую женщину, прячущуюся за фасадом куклы. А затем химические катализаторы свяжут центры удовольствия в его мозгу с образом Мэри навсегда. Каждое воспоминание о ней будет приносить физическую эйфорию. Каждая минута вдаль — фан-

томную боль. Это будет не рабство. Это будет высшая форма симбиоза, основанная на чистом восприятии.

Колба начала мелко вибрировать. Звук изменился с глухо-го бульканья на высокий, певучий звон, похожий на голос тибетской поющей чаши. Багровая жидкость посветлела, проходя через спектр от запекшейся крови к цвету гранатовой мякоти. Мэри схватила длинные щипцы из тигельной стали и аккуратно опустила в кипящую массу небольшой мешочек из неотбеленного шелка. Внутри лежало самое дорогое и редкое вещество в ее арсенале — пепел сожженного письма от мужчины, который однажды, будучи мертвецки пьяным, сказал ей правду. Сказал, что боится ее ума больше, чем ценит ее тело. Мешочек выпустил облачко серебристой пыли, и зелье на секунду стало мутным, как грозовое небо.

Время текло липко и медленно. Газовые рожки тихо гудели, пожирая кислород. По лбу Мэри скатилась капля пота, щеотно пробежав по виску. Она не имела права моргнуть. Процесс подходил к критической точке фазового перехода. Если температура поднимется выше восьмидесяти девяти градусов хотя бы на долю мгновения, связи порвутся, и вместо эликсира она получит смертельный яд, пары которого убьют ее быстрее, чем успеет закричать старая мадам Дюбуа внизу.

— Давай, — прошептала она, гипнотизируя взглядом столбик ртути в термометре. — Восемьдесят восемь... восемьдесят восемь с половиной...

Термометр дрогнул. Тонкая серебристая нить коснулась красной риски «89».

Мэри молниеносным движением перекрыла газ. Шипение прекратилось. Она схватила бронзовый штатив и переставила алембик на специальную мраморную плиту с углублением для естественного остывания. Теперь наступала самая опасная часть ритуала. Катализ.

Из холодильника, работающего на смеси льда и каменной соли, она достала маленькую бутылочку из синего кобальтового стекла. Внутри плескалось нечто, напоминающее жидкий лунный свет. Лунная роса. Не та вода, что скапливается на листьях, обманывая простаков. Настоящую росу можно собрать только в кратере древнего вулкана Оверни в час точного полнолуния, используя зеркало из отполированного олова, которое не касалось человеческого дыхания. Мэри потратила целое состояние и полгода жизни экспедиции, чтобы добыть эти жалкие две унции жидкости.

Крышка хрустнула, поворачиваясь в резьбе. Запахло озоном после грозы, свежевскопанной землей и чем-то невыразимо древним, первобытным.

Мэри взяла длинную пипетку из прозрачного каучука. Набрала ровно одну каплю. Жидкость внутри стекла переливалась опаловыми разводами, пульсируя собственным внутренним светом. Капля висела на кончике, огромная, тяжелая, готовая сорваться вниз.

Весь мир сузился до горлышка колбы. Эликсир внутри

перестал бурлить. Он замер, став густым, как расплавленное стекло, пронизанным миллионами крошечных пузырьков. Он ждал. Мэри чувствовала, как бьется ее собственное сердце — ровно, мощно, отдаваясь пульсом в кончиках пальцев.

Она наклонилась над горячим стеклом. Жар ударил в лицо.

— Да будет так, — выдохнула она и разжала пальцы.

Капля сорвалась. Она падала мучительно долго, растягиваясь в прозрачную нить. Коснулась поверхности эликсира.

И Вселенная взорвалась тишиной.

Реакция не сопровождалась вспышкой или грохотом. Произошло обратное — звук исчез полностью. Низкий гул вентиляции, треск остывающего металла, биение собственного сердца — все поглотила абсолютная акустическая пустота. Время схлопнулось в точку сингулярности.

Жидкость в колбе вскипела изнутри, но кипения этого не было видно — оно происходило на уровне атомных связей. Густая багровая масса содрогнулась, выгнулась параболой и вдруг рухнула внутрь самой себя. Цвет начал меняться с катастрофической скоростью. Гранат стал аметистом, аметист — чистым золотом, а золото вспыхнуло неземным, фосфоресцирующим розовым светом. Светом зари, запечатанной в стекло. Розовое сияние становилось все ярче, пульсируя в такт неслышимому ритму, пока вся комната не окрасилась в оттенки магического румянца. Медь на стенах, книги на

полках, бледное лицо Мэри — все покрылось этим живым, дышащим цветом.

Зелье успокоилось. Оно больше не пузырилось. Оно стояло в колбе абсолютно гладким, идеальным зеркалом, испускающим ровное, теплое, ласковое сияние. Идеально розовое, физически ощутимое тепло исходило от хрусталя. Оно пахло не химикатами. Оно пахло кожей любимого человека, детским смехом, вересковым медом на горячем хлебе и первым снегом. Это был концентрированный экстракт самого прекрасного чувства, очищенный от ревности, эгоизма, похоти и страха потери.

Мэри медленно выдохнула воздух, который сдерживала все последние секунды. Легкие обожгло болью. Она оперлась руками о край стола, потому что ноги внезапно отказались держать ее. Перед глазами плясали черные мушки, но сквозь них она видела свое отражение в бокале. Бледная, растрепанная, с размазанной на скуле сажей, с лихорадочным, ненормальным блеском в глазах — она выглядела как сумасшедшая. Но впервые за долгие годы она почувствовала не пустоту, а колоссальный, звенящий триумф.

Она сделала шаг назад, случайно задев рукавом рубашки открытую банку с сухим цветом чертополоха. Банка качнулась, полетела вниз и с оглушительным в мертвой тишине звоном разлетелась на тысячи осколков по базальтовой плите. Звук возвращался в мир постепенно, сначала искаженным, как сквозь вату, а потом обрушился лавиной — шум

ветра за окном, скрип деревянных балок старого дома, далекий цокот экипажа на бульваре Сен-Жермен.

Светящаяся жидкость мягко покачивалась в колбе, бросая розовые отсветы на потолок. Мэри протянула руку. Тепло от стекла было живым. Она осторожно взяла тяжелый хрустальный сосуд. Он идеально лег в ладонь, теплый и гладкий, словно кошачье брюхо.

Это сработало. Сто попыток провала ради одного момента абсолютного успеха. Формула была найдена. Технология отработана.

Теперь оставалось выбрать объект.

Кто станет первым? Старый герцог, чьи деньги спасут ее семью от банкротства, если отец снова проиграет в карты поместье? Молодой наглый граф, смеющийся над ее любовью к математике? Или, может быть, тот самый русский князь Андрей, чья холодная вежливость бесит ее сильнее всего, потому что за ней она чувствует такую же зияющую внутреннюю пустоту, как и в себе?

Мэри подняла колбу на уровень глаз. Розовое сияние прошло сквозь хрусталь и окрасило ее собственные зрачки в цвет расплавленного рубина. Она смотрела на свое идеальное, демоническое отражение.

— Добро пожаловать в реальный мир, мальчики, — тихо сказала она пустой лаборатории. Улыбка, тронувшая ее губы сейчас, не имела ничего общего с салонной любезностью Прекрасной Мэри. Это была улыбка завоевателя, смотряще-

го на карту поверженного континента. — Отныне вы будете любить то, что я прикажу вам видеть. Я устала быть куклой. Пришло время стать богиней.

Она плотно завернула притертую стеклянную пробку. Розовое сияние слегка приглушилось, спрятавшись внутри сосуда, но продолжало сочиться сквозь поры хрусталя, окрашивая кожу ее пальцев в нежный персиковый цвет. Мэри бережно, как мать берет новорожденного, прижала колбу к груди.

Впереди был первый бал нового сезона. Там будет весь Париж. Весь зверинец снобов, лицемеров и охотников за состоянием. И среди них будет он. Тот, кого она выберет для первого испытания. Тот, кто сегодня вечером выпьет шампанское из ее рук и навсегда забудет, как смотреть на других женщин.

Мэри погасила газовые рожки один за другим. Лаборатория погрузилась в полумрак, освещаемый теперь только естественным лунным светом, преломленным синими фильтрами окон, и мягким, пульсирующим дыханием идеального розового зелья.

Она спустилась по винтовой лестнице обратно в свои покои. Утром горничная найдет на туалетном столике разорванное приглашение на сегодняшний ужин у Ротшильдов и новое платье из тяжелого лионского бархата цвета венозной крови. Вечером Прекрасная Мэри выйдет в свет. Но танцевать она будет не вальс. Свой собственный, смертельно кра-

сивый танец власти.

Глава 2. Дебют и первая жертва

Утро после создания эликсира выдалось ослепительным. Париж, обычно серый от угольной копоти каминов и выхлопов первых паровых омнибусов, сегодня казался вымытым до блеска. Солнце заливало позолоту лепнины на фасадах улицы Варенн таким плотным светом, что воздух дрожал маревом. Но Мэри не видела этой красоты. Для нее утро началось с ледяного купания в мраморной чаше и жесточайшей инвентаризации рисков.

Она стояла перед огромным, в человеческий рост, венецианским зеркалом в своей гардеробной. Старая мадам Дюбуа суежилась вокруг, закалывая булавками складки тяжелого платья из лионского бархата цвета запекшейся крови — *sang de boeuf*. Тяжелая ткань поглощала свет, становясь почти черной в тени и вспыхивая глубоким багровым огнем там, где падал луч солнца.

— Вы бледны, мадемуазель, — прошамкала экономка, пытаясь затянуть шнуровку стального корсета еще на полдюйма. — Вам бы выпить горячего шоколада с перцем. Это разгонит кровь. И румян добавить нужно, господа кавалеры любят цветущее здоровье.

Мэри посмотрела на свое отражение холодно, отстраненно, словно изучала анатомический препарат. Румяна. Смешно. Никакой перец не разгонит ту арктическую стужу, кото-

рая сейчас текла по ее венам вместо крови. Эликсир лежал во внутреннем кармане ее шелкового ридикюля. Маленькая колба из толстого стекла, обернутая в черный бархат. Она весила меньше унции, но гравитационно притягивала к себе все мысли Мэри. Розовое сияние едва заметно просвечивало сквозь слои ткани, пульсируя в такт биению ее сердца.

Вчера ночью она была гением, творцом, алхимиком, взломавшим код самой природы чувств. Сегодня утром холодный рассудок химика взял верх над эйфорией. Формула работала идеально — это доказывал хотя бы тот факт, что старая мадам Дюбуа, находясь в одной комнате с открытым (пусть и плотно завернутым) флаконом последние полчаса, уже трижды пыталась погладить Мэри по руке и назвала «бедной сироткой», хотя прекрасно знала о состоянии счетов семьи де Вильнёв. Зелье испарялось даже через стекло. Оно создавало невидимый ореол эмпатии и абсолютного доверия. Если так действует на восьмидесятилетнюю женщину, прошедшую через революцию и три войны, то что оно сделает с двадцатилетним юношей, чьи гормоны кипят?

Нужно было менять протокол применения. Прямое употребление внутрь слишком рискованно. Смерть объекта от остановки сердца или превращение его в пускающего слюни идиота сорвет весь эксперимент. Кожа — вот идеальный проводник. Трансдермальный путь введения позволит контролировать дозировку с аптекарской точностью. Тепло человеческого тела само активирует летучие фракции состава.

— Достаточно, Дюбуа, — ровным голосом сказала Мэри. — Я могу дышать. Если я уплыву в обморок посреди зала герцога Армана, тем лучше для сплетен. Скандал привлекает больше внимания, чем безупречная репутация.

Экономка отступила, обиженно поджав губы, но спорить не решилась. Прекрасная Мэри имела репутацию женщины со странностями, и перечить ей в вопросах туалета было бесполезно.

Когда шнуровка была закончена, а жесткий каркас юбок-кринолинов занял свое место, Мэри почувствовала себя запертой в позолоченной клетке. Бархатное платье сидело как доспех. Бриллиантовая ривьера перехватывала горло, буквально душила ее холодом камней. Каждый грамм драгоценностей был векселем, гарантией того, что кредиторы отца не придут описывать мебель завтра же утром. Семья балансировала на краю пропасти, и красота Мэри была единственным щитом между ними и долговой тюрьмой Консьержери.

Оставался последний штрих. Тест-драйв.

Мэри дождалась, пока Дюбуа выйдет за веером. Оставшись одна, она достала из потайного отделения секретера пустой флакон-спрей из граненого хрусталя — такие используют великосветские дамы для нанесения духов с ароматом фиалки или жасмина. Затем, действуя пинцетом из слоновой кости, она извлекла из черного бархата колбу с зельем.

Розовое свечение ударило по глазам даже сквозь закрытые веки. Жидкость внутри жила своей жизнью, медленно пере-

ливаясь, формируя крошечные воронки. Мэри приоткрыла пробку ровно на миллиметр. В нос ударил концентрированный запах всего самого прекрасного, что есть в мире — нагретой солнцем хвои, чистого хлопка, первой любви и спасения от гибели. Голова опасно закружилась. Она зажмурилась, взяла тонкую стеклянную трубочку и аккуратно, капля за каплей, перелила ровно два грана эликсира в хрустальный спрей. Долила нейтральным маслом жожоба, чтобы стабилизировать летучие соединения. Закрутила крышку.

На дне колбы осталось еще достаточно вещества для трех-четырех полноценных доз. Или для одного массового поражения, если вылить его в фонтан особняка.

Мэри вынула пульверизатор. Направила его на внутреннюю сторону левого запястья. Одно нажатие на грушу. Почти бесшумный, влажный «пшик». Микроскопическое облачко невидимых капель окутало кожу.

Эффект последовал мгновенно.

Кожа на запястье вспыхнула, словно ее прижали раскаленным клеймом. По нервным окончаниям вверх по руке побежал огненный импульс, ударил прямо в мозг, минуя все барьеры рациональности. Мэри пошатнулась, схватившись рукой за край туалетного столика. Мир вокруг на секунду потерял четкость. Она увидела саму себя глазами гипотетического наблюдателя — хрупкое создание из фарфора и боли, излучающее такую отчаянную, первобытную потребность быть понятой, что сердце должно было разорваться от

жалости. Зелье начало работать, транслируя ее внутренний запрос вовне, искажая преломление света вокруг ее фигуры. Она быстро спрятала пульверизатор в ридикюль. Ожог на коже сменился приятным теплом, которое теперь будет служить медленным катализатором, постоянно подпитывая ауру.

Герцогский дворец на Елисейских Полях сиял ярче летнего полудня. Сотни газовых рожков горели в тысяче зеркал, создавая иллюзию бесконечного пространства, уходящего в геометрическую вечность. Звук настраиваемого оркестра — расстроенная скрипка давала фальшивую ноту "ля" — проникал даже сквозь толстые дубовые двери экипажа.

Мэри вышла из кареты последней. Она намеренно выдержала паузу, позволив всем менее значительным гостям войти внутрь. Правило высокого этикета гласит: королева не опаздывает, королева заставляет себя ждать. Ее расчет оправдался. Когда она ступила на красный ковер подъезда, толпа в вестибюле расступилась сама собой. Воздух стал густым. Мужчины поворачивались к ней плавно, механически, как подсолнухи за солнцем, забыв на полуслове о своих беседах. Женщины замерли, их улыбки превратились в застывшие маски зависти.

Она шла сквозь этот строй, высоко подняв подбородок. Внутри нее работал сверхточный сканер. Она анализировала реакцию среды. Те, кто находился ближе пяти шагов, дышали чаще. У пожилого посла из Пруссии дергался уго-

лок глаза. Молодые лейтенанты гвардии забыли отдать честь проходящему мимо генералу. Аура зелья расширялась конусом, работая как акустическая система направленного звука, только вместо волн давления она посылала волны чистой биохимической предрасположенности.

Бальная зала встретила ее волной духоты, запаха розового масла и звона хрусталя. Герцог Арман, хозяин дома — тучный мужчина с лицом цвета старого портвейна и тройным подбородком — лично поспешил навстречу, протягивая пухлую руку. Его жена, высохшая герцогиня, осталась стоять у колонны, играя веером так судорожно, что казалось, он вот-вот рассыплется в щепу.

— Милая Мари! — прогудел герцог, склоняясь над ее рукой. От него пахло чесноком, табаком и страхом банкротства. — Какая радость... какая несравненная...

Он замолк на полуслове. Его маленькие пороссячьи глазки, секунду назад бегавшие по залу в поисках кредиторов, остекленели. Он смотрел не на декольте Мэри, не на бриллианты. Он смотрел куда-то сквозь ее ключицы, в пустоту, и на его жирном лице расплывалось выражение благоговейного, почти религиозного экстаза. Губы дрогнули, беззвучно произнося одно слово: «Богиня».

Мэри спокойно высвободила пальцы из его влажной ладони. Эксперимент номер один прошел успешно. Зелье подавляет критическое мышление даже у самых циничных хищников этого серпентария. Теперь главное блюдо.

Она просканировала залу дальше. Цель должна быть идеальной. Не просто богатой, но обладающей реальной властью. Наследство без влияния — лишь корм для адвокатов. Ей нужен был рычаг, способный перевернуть мир.

И она нашла его у игорного стола, где шла партия в экарте по высоким ставкам. Виктор-Этьен де Моро. Единственный сын и прямой наследник герцога Армана. Двадцать четыре года, состояние оценивается в сорок миллионов франков, родословная чище воды в альпийском ручье. Высокий, широкоплечий, одетый с той нарочитой небрежностью, которую могут позволить себе только истинные аристократы. Лицо красивое классической античной красотой, но безнадежно испорченное выражением вселенской скуки и легкого презрения ко всему живому. Рядом с ним, вцепившись побелевшими пальцами в кружевную манжету его фрака, стояла девушка. Антуанетта Леклерк. Дочь нового сахарного короля. Пышнотелая, миловидная, вся сияющая здоровьем и глупостью. Официально объявленная невеста. Их помолвка была главной политической сделкой сезона.

Виктор скучающе посмотрел свои карты, бросил взгляд поверх голов игроков, скользнул по Мэри и... споткнулся. Карта выскользнула из его пальцев на зеленый сукно.

Его лицо изменилось. Медленно, слой за слоем, с него сходила многолетняя шелуха снобизма, пресыщенности и защитного цинизма. Глаза, минуту назад тусклые, как старые монеты, вдруг стали огромными, темными и влажными.

Рот приоткрылся. Он сделал шаг вперед, выходя из-за карточного стола, совершенно забыв о банке в сто тысяч франков, который остался неразыгранным.

Антуанетта что-то спросила его взволнованным голосом. Виктор не ответил. Он вообще забыл о существовании девушки. Для него исчез шум толпы, музыка оркестра, запах сигарного дыма. Весь сжавшийся до размеров бальной залы мир заполнила фигура в кроваво-красном бархате.

Он пошел к ней.

Это не был галантный променад кавалера. Это было движение сомнамбулы, лунатика, идущего по краю крыши. Люди инстинктивно расступались перед ним, чувствуя исходящую от молодого человека тяжелую, вибрирующую энергию одержимости. Он остановился в двух шагах от Мэри. Заговорил он не сразу — ему пришлось сглотнуть комок в горле, прежде чем голосовые связки смогли издать звук.

— Здесь невыносимо жарко, — сказал он хрипло. Его голос звучал иначе, чем когда-либо слышала Мэри — в нем не было привычных покровительственных ноток. Была открытая, детская уязвимость. — Эти свечи... они плавят воздух. Пойдемте на террасу. Там ветер с реки.

Это была не просьба. Это был приказ, продиктованный паникой. Паникой от мысли, что она может остаться здесь, среди этих чужих людей, а он уйдет. Мэри позволила себе легкую, оценивающую полуулыбку. Она дала ему ровно две секунды ожидания, заставляя его нервную систему выраба-

тывать адреналин, привязывая его физиологическое возбуждение к своему образу.

— На террасе ветрено, Виктор. Вы простудите свою будущую жену, — тихо ответила она, кивнув в сторону застывшей Антуанетты. Та стояла неподалеку, и ее лицо медленно заливала некрасивая краснота унижения. Девушка поняла, что стала прозрачной. Что ее жених смотрит сквозь нее, как через оконное стекло.

Виктор проследил за ее взглядом. Обычно жестокая усмешка скривила бы его губы — аристократ забавлялся страданием простолюдинки. Но сейчас химия мозга работала против него. Вид плачущей невесты вызвал в нем вспышку глухого раздражения. Зачем она здесь? Почему она смеет плакать, когда рядом стоит существо, сотканное из лунного света и печали?

— Мне нет дела до ветра, — отрезал он, протягивая Мэри руку. — Идите сюда.

Мэри вложила свои пальцы в его ладонь. Кожа Виктора была горячей, сухой, пульсирующей. Его рука сжимала ее кисть с силой, которая граничила с болью. Ему физически необходимо было касаться ее, чтобы подтвердить реальность происходящего.

Они вышли на широкую мраморную террасу, освещенную фонарями в виде сатиров. Ночной воздух действительно принес облегчение, остудив разгоряченные лица. Где-то внизу, в саду, пел соловей, перекрывая отдаленный гул Па-

рижа.

Виктор развернул Мэри к себе резко, почти грубо. Вторую руку он положил ей на талию, притягивая вплотную. Корсет протестующе затрещал. Бриллиантовая ривьера на шее Мэри больно впиалась в ключицу.

— Кто вы такая? — выдохнул он ей в губы. Его дыхание пахло абсентом и мятными пастилками. — Я видел вас раньше. Десятки раз. На балах. Вы были... красивой мебелью. Разодетой куклой. Очередной охотницей за титулами. Почему сегодня вы настоящая? Господи, почему именно сегодня вы решили стать настоящей?!

Зелье делало свою работу безупречно. Оно не внушало ложных воспоминаний. Оно снимало фильтры восприятия. Виктор всегда считал Мэри скучной, хоть и эстетически совершенной. Но сегодня вечером, под воздействием трансдермальных фракций, его миндалевидное тело в мозгу — центр страха и оценки угрозы — получило сигнал: «Безопасно». Гиппокамп пересмотрел всю базу данных памяти. Все предыдущие встречи перезаписались. Теперь он помнил не пустую куклу, а фантом, тайну которого он мучительно пытался разгадать годами. Он влюбился не в реальную Мэри. Он влюбился в идеальную химическую проекцию собственных желаний, усиленную эфирными маслами жожоба.

— Потому что сегодня мне надоело быть мебелью, — шепнула Мэри, позволяя ему сократить дистанцию до нуля. Ее аналитический ум работал параллельно с телом. Она

фиксировала симптомы: расширение зрачков до такой степени, что радужка почти исчезла; резкое падение артериального давления в периферических сосудах (он слегка покачивался); гиперфиксация внимания. Классическая картина острой эндогенной интоксикации, принятой им за божественное откровение.

Он наклонился ниже. Мэри видела каждую ресницу на его веках. Она понимала, что если сейчас поцелует его, произойдет окончательный синаптический замыкание. Связь станет необратимой на уровне базальных ганглиев.

Но она не хотела целоваться. Она хотела власти.

— Посмотрите на меня, Виктор, — велела она чуть громче, вкладывая в интонацию легкий нажим. Тот самый тон, которым отдают команды хорошо вышколенному пойнтеру.

Он вскинул голову послушно, как механизм.

— Завтра днем ваш отец примет у себя в кабинете представителя банка Ротшильдов, — продолжила Мэри ровным, гипнотическим голосом. — Они будут обсуждать условия залога вашего майората. Ваш проигрыш в экарте сегодня составил восемьдесят тысяч. Через неделю вам нечем будет платить проценты по закладным на виноградники в Бордо. Ваша свадьба с Антуанеттой назначена через месяц, потому что вашему отцу нужны деньги ее отца, чтобы покрыть долги покойного деда. Я права?

Лицо Виктора стало белым, как мел. Магия момента грозила разбиться о гранит реальности. Но зелье не позволило

ужасу прорваться наружу. Вместо паники он почувствовал приступ слепого обожания, смешанного с животным восторгом. Только богине могло быть известно такое. Только ангел мог спуститься, чтобы спасти его от финансового краха.

— Откуда... — прохрипел он.

— Неважно, — перебила она. — Важно то, что я могу решить эти проблемы. Все до единой. Ваши долги станут моими долгами. Ваше имя останется незапятнанным. Ваша свобода останется при вас. Взамен я прошу сущую малость. Вашего полного, абсолютного внимания. Вашей лояльности. Когда я говорю «нет», вы не делаете. Когда я говорю «да», вы исполняете. Без вопросов. Без ревности. Без прав собственника. Вы будете моим самым верным рыцарем, Виктор. Моим оружием. Моим щитом.

Она говорила правду. Холодную, математическую правду выживания. Ей не нужна была его любовь-страсть. Ей нужен был его финансовый ресурс и социальный статус. Управлять мужчиной, который тебя ненавидит — сложно, требует постоянного расхода энергии. Управлять мужчиной, который считает тебя воплощением всех своих эротических и экзистенциальных грез — легко и приятно.

Виктор слушал ее, впитывая каждое слово. Логика кричала ему, что эта женщина предлагает сделку Фауста. Что она шантажирует его информацией, которой владели только нотариусы. Но та часть его мозга, что отвечала за критическое восприятие, была утоплена в сиропе фенилэтиламина и

дофамина. Каждое ее требование казалось ему высшей формой справедливости. Конечно, он должен принадлежать ей. Разве можно доверить такое сокровище кому-то другому?

— Я согласен, — прошептал он. — На всё. Боже мой, Мария... я искал вас в прошлой жизни. Я знаю этот изгиб вашей шеи. Я помню запах ваших волос.

Он снова попытался притянуть ее для поцелуя, но Мэри мягко, однако непреклонно уперлась ладонью в его крахмальную грудь.

— Не сейчас, — сказала она. — Танец. Первый танец. Вернитесь в залу. Найдите Антуанетту. Извинитесь перед ней — сухо, формально, так, чтобы она возненавидела вас окончательно. Это освободит вас юридически быстрее любого развода. А потом подойдете к оркестру и попросите сыграть кадрили. Вы пригласите меня. И смотрите только на меня. Остальное предоставьте моему отцу. Утром он получит письмо от моего поверенного с предложением погасить ваши векселя. Взамен мы обсудим слияние капиталов. Мой скромный выкуп войдет в вашу семью. Мы будем самыми могущественными людьми в Париже, Виктор. Вы и я.

Она отпустила его. Сделала шаг назад, разрывая физический контакт.

Воздух показался Виктору ледяным. Контакт прервался, и рецепторы кожи завывали от нехватки тепла ее тела. Он стоял на мраморе террасы, тяжело дыша, глядя на нее безумными, счастливыми глазами наркомана, получившего новую

дозу.

— Кадриль, — напомнил голос Мэри, ставший вдруг далеким и властным. — Не заставляйте даму ждать.

Виктор морнул. Механизм социального поведения, прожавевший от химии, со скрипом начал включаться. Он поклонился — глубоко, театрально, прижимая руку к сердцу — и растворился в дверях обратно в шум и свет бальной залы.

Мэри осталась одна. Она подошла к балюстраде из резного камня и оперлась на нее руками. Белые костяшки пальцев побелели от напряжения. Ноги в атласных туфлях мелко дрожали.

Она сделала глубокий вдох ночного воздуха, пытаюсь смыть с языка сладкий привкус собственного триумфа.

Послушание. Абсолютное, собачье, восторженное послушание. Она добилась этого одним легким «пшиком» на запястье. Одной прогулкой по зале. Одним разговором на террасе.

Она посмотрела вниз, на огни Парижа. Миллионы людей внизу жили своими мелкими страстями, интригами, любовью и ненавистью. Они думали, что управляют своей судьбой. Какие глупцы. Вся их свобода воли держалась на балансе гормонов, который она научилась взламывать кухонным набором алхимика.

Из залы донеслись первые мощные аккорды кадрили. Трубы провозгласили начало танца. Мэри поправила съехавшую

бриллиантовую ривьеру. Горло все еще саднило от холодного металла, но эту боль она приветствовала. Боль напоминала ей, что она жива. Что она больше не пассивный объект в витрине.

Она посмотрела на свои руки. Руки создательницы империй.

«Первая жертва, — подумала она, и уголки ее губ дернулись в холодной усмешке. — Слишком легкая. Мальчик сдался, даже не осознав, что обнажил шею под нож. Настоящие игроки сидят за карточным столом. И они понятия не имеют, что правила игры изменились навсегда».

Она расправила плечи, одернула тяжелый бархат платья и шагнула обратно в ярко освещенный портал дверей. Навстречу оглушающей музыке, ревнивым взглядам женщин и абсолютно счастливым, преданным глазам Виктора, который уже пробивался сквозь толпу, считая гостей, чтобы успеть пригласить ее раньше начала музыкальной фразы. Бал только начинался, но война за души высшего света была выиграна ею в первом же раунде.

Глава 3. Триумфальное шествие

Слух — это самая быстрая валюта в Париже, опережающая биржевые тикеры Ротшильдов и почтовых голубей. Он распространяется не по проводам телеграфа, а сквозь пар гостиных, оседает на бархате кресел и разносится лакеями вместе с пустыми бокалами из-под шампанского. К утру следующего дня после бала у герцога Армана город проснулся другим.

Газетчики еще не успели напечатать утренние листы, но сплетня уже обрела плоть и кровь. Говорили о проклятии. О том, что Прекрасная Мэри продала душу за поцелуй древнего демона инкуба. Старая маркиза де Суассон, известная своим желчным языком, утверждала в кругу доверенных лиц, что видела собственными глазами, как глаза Виктора де Моро светились в темноте красным огнем, когда он целовал руки своей бывшей невесте, объявляя помолвку расторгнутой самым чудовищным и оскорбительным образом.

Правда была куда прозаичнее, элегантнее и страшнее любых суеверий. Правда заключалась в базальной химии мозга.

Мэри превратила свою спальню в штаб-квартиру. Карта Парижа висела теперь над камином, испещренная цветными булавками. Красные — банки и меняльные конторы. Синие — министерства и ведомства. Золотые — частные салоны промышленников новой волны, тех нуворишей, чье богат-

ство пахло машинным маслом и железной рудой, а не тленом веков. Черные — тайные игорные дома.

Ее гардероб обновился со скоростью эпидемии оспы. Портнихи работали круглосуточно, сменяя друг друга при свечах. Корсеты становились жестче, шлейфы длиннее, декольте смелее. Но главным элементом ее нового стиля стала брошь. Массивная агатовая камея в платиновой оправе, которую она неизменно носила на левом плече или у основания шеи. Для всех окружающих это был изысканный аксессуар от знаменитого ювелира Фализе. На самом деле внутри полого камня, за тонкой перегородкой, находился крошечный пульверизатор, заправленный остатками эликсира, смешанного с эфирным маслом нероли для маскировки запаха. Одно незаметное нажатие пальцем — и микроскопическое облачко невидимой власти отправлялось в воздух.

Она больше не тратила зелье на кожу. Аэрозольная дисперсия оказалась эффективнее. Создавая вокруг себя зону радиусом в три метра с повышенной концентрацией феромонального катализатора, она превращала любое закрытое пространство в камеру сенсорной депривации для мужчин, где единственным якорем реальности оставалась она сама.

Первой целью стал банк «Братья Леру» на Вандомской площади. Не сам мсье Леру-старший — его сердце давно окаменело в саркофаге жадности. Целью был его единственный сын и наследник, Жером. Толстый, близорукий юноша двадцати лет, страдающий одышкой и страстью к коллекци-

онированию механических птиц.

Мэри вошла в главный операционный зал без доклада. Она просто толкнула тяжелые дубовые двери. Охранники у входа дернулись было преградить путь даме в неподобающем месте, но замерли, словно натолкнувшись на стеклянную стену. Их пальцы соскользнули с эфесов сабель. Они увидели не нарушительницу регламента, а видение.

Жером Леру сидел в застекленной выгородке своего кабинета, склонившись над чертежами нового автоматического хронометра. Он ненавидел банковское дело. Каждое утро отец приводил его сюда, как пастух приводит овцу на стрижку, заставляя смотреть в гроссбухи. Жером чувствовал себя механизмом, который вот-вот заржавеет от скуки.

Скрип пера прекратился. Воздух в кабинете изменился — стал густым, сладковатым, наполнился запахом жасмина и чего-то тревожащего, первобытного. Жером поднял голову.

Дверь в кабинет была закрыта. Отец ушел обедать. Но прямо перед его столом, там, где секунду назад была лишь полоска паркета, теперь стояла она. Свет из высокого окна бил ей в спину, создавая золотой ореол вокруг фигуры в платье цвета расплавленного изумруда.

— Вам скучно, Жером, — сказала Мэри. Голос ее звучал так, словно они были знакомы всю жизнь, словно она читала страницы его личного дневника. — Эти шестеренки... они прекрасны, но они заперты в ящике стола. Вы созданы для полета, а вас заставляют ползать в пыли цифр.

Жером почувствовал, как к горлу подкатывает комок. Никто никогда не понимал его. Отец видел в нем только калькулятор. Друзья видели кошелек. А эта женщина... она смотрела сквозь его толстые очки, сквозь слой жира на его щеках, сквозь его жалкую человеческую оболочку. Она видела ту механическую птицу с рубиновыми глазами, которую он собрал втайне от всех и хранил в сейфе. Она видела его мечту.

— Кто вы? — прохрипел он, пытаясь нащарить на столе колокольчик для вызова секретаря, но рука отказывалась повиноваться. Мышцы стали мягкими, как воск.

— Я — ваше освобождение, — улыбнулась Мэри. Она сделала шаг вперед. Зона поражения расширилась. — Ваш отец сегодня подписал векселя моего отца. Сто тысяч франков. Огромные деньги. Рискованные. Если старый герцог Арман узнает, что дом Леру кредитует почти банкротство через подставное лицо, репутация банка рухнет быстрее карточного домика.

Лицо Жерома исказилось паникой. Это была коммерческая тайна высшего порядка. Откуда она...

— Но я могу спасти вас, — продолжила она мягко. — Мне не нужны деньги вашего отца. Деньги мне дает Виктор. Мне нужно влияние. Механизмы влияния. Завтра утром на биржу поступят слухи о проблемах приисков в Южной Америке. Акции медных рудников упадут на тридцать процентов. Продайте всё, что принадлежит банку Леру, до открытия торгов. Вечером купите обратно. Разница составит два

миллиона. Чистыми. Положите их на счет в Цюрихе. На имя Антуана Бланшара. Запомнили?

Жером лихорадочно закивал. Его была крупная дрожь. Два миллиона. Сумма, способная выкупить целое графство. И все это — просто потому, что она попросила? Ему хотелось плакать от счастья и абсолютной преданности. Он готов был отдать ей ключи от главного хранилища прямо сейчас. Более того, ему казалось, что отдать ключи — это величайшее эротическое наслаждение, доступное мужчине.

— Ваша птица, — внезапно сказала Мэри, глядя на эскиз в его руках. — Та, с сапфировым оперением. Принесите ее мне. Сегодня вечером. В Оперу. Партер, лежа бенуара номер семь. Это будет вашим авансом.

Она повернулась и пошла к выходу. Ее силуэт на мгновение заслонил прямоугольник света. Жером остался один в звенящей тишине кабинета. Он тяжело дышал, сжимая в руке карандаш так, что побелели костяшки. На губах его играла блаженная, идиотская улыбка человека, пережившего божественное откровение. Он влюбился в нее мгновенно, глубоко и навсегда, связав химический экстаз своих мозговых центров с идеей беспрекословного финансового подчинения.

Триумфальное шествие началось.

Мэри двигалась по социальной лестнице вверх методич-

но, как поршень парового молота. Она наносила визиты не хаотично, выстраивая паутину перекрестных связей.

У графа дю Плесси, контролирующего государственные железные дороги, она появилась в час, когда тот подписывал концессию на прокладку путей через спорные земли Бургундии. Граф славился тем, что ни одну сделку не подписывал, не выпив бутылку бордо и не поспорив до хрипоты. Мэри вошла в клуб табачного дыма и запаха пота. Один поворот агатовой броши. Легкое облачко аромата.

Через десять минут граф дю Плесси стоял перед ней на коленях прямо посреди своего кабинета, целуя край ее юбки. Концессия была переписана. Магистраль прошла ровно там, где указала палец Мэри — через земли, принадлежащие фонду Виктора де Моро, стоимость которых после этого решения выросла втрое. Взамен граф получил право называть ее «своим добрым ангелом-хранителем» и обещание присутствовать на его скучнейших приемах, что автоматически легитимизировало его среди старой аристократии.

В салоне мадам Режан, самой дорогой куртизанки Парижа, чьи девочки обслуживали русский императорский двор и турецких пашей, Мэри устроила настоящий фурор. Она пришла не как клиент и не как конкурентка. Она пришла как высшая сила. Богатые купцы, сахарные короли и владельцы судоходных линий сидели в шелковых будуарах, ожидая своих временных богинь. Когда порог переступила Мэри, мужчины забыли имена тех женщин, которые лежали у

них на коленях. Актрисы и танцовщицы вдруг показались им грубыми, пошлыми, кричаще яркими подделками. Рядом с безупречной, холодной отстраненностью Мэри их дешевый лоск выглядел позолотой на меди.

Один из нефтяных магнатов, человек жестокий и циничный, привыкший покупать людей пачками, попытался схватить Мэри за руку. Она посмотрела ему в глаза. Всего две секунды прямого зрительного контакта. Мужчина вскрикнул, отдернул руку и выбежал из салона на улицу, где его вырвало желчью от переизбытка нахлынувших чувств — смеси животного ужаса и всепоглощающего обожания. Больше он никогда не посещал заведения мадам Режан, предпочитая проводить ночи в молитвах перед портретом Мэри, который заказал у лучшего миниатюриста города.

Слава о её неотразимости гремела по королевству, принимая формы городского фольклора. Извозчики рассказывали седокам, что если Прекрасная Мэри взглянет на лошадь, та начинает давать вдвое больше молока. Торговки рыбой на рынке Ле-Аль крестились, проходя мимо ее кареты, уверенные, что она ведьма, пьющая кровь младенцев, чтобы сохранить такую фарфоровую кожу. Поэты-символисты посвящали ей циклы стихов, называя ее «Черной Мадонной Декаданса», хотя кожа ее была белее алебаstra. Художники дрались за право написать ее портрет, но она отвергла предложения самого Бугро, заявив, что масляные краски слишком материальны, чтобы передать суть ее взгляда.

Виктор де Моро следовал за ней тенью. Он превратился в идеального мажордома собственной страсти. Он скупал для нее украшения разорившихся дворянских фамилий. Он оплачивал счета портных, даже не заглядывая в цифры — суммы перестали иметь значение с того момента, как она научила его делать деньги из воздуха на бирже. Он купил ей особняк рядом с Елисейскими Полями, более роскошный, чем у его собственного отца, просто потому что прежний район улицы Варенн казался ей недостаточно престижным.

Их совместные появления стали главным событием сезона. Это был театр абсурда и абсолютной власти. Виктор смотрел на нее так, как умирающие от жажды смотрят на колодец в пустыне. Он ловил каждое движение ее пальцев. Если она морщила нос, отворачиваясь от запаха дешевых сигар, Виктор бледнел и немедленно закрывал рот говорящему веером. Если она задумчиво постукивала пальцами по подлокотнику кресла, он начинал судорожно придумывать, какое государство купить и преподнести ей на блюде, лишь бы этот стук сменился прикосновением к его щеке.

Старая аристократия скрипела зубами, но принимала правила игры. Принц Луи-Филипп Орлеанский, кузен короля и самый завидный холостяк Европы, пригласил Мэри на приватную аудиенцию в Пале-Рояль.

Принц принимал ее в библиотеке, среди первых изданий Рабле и Монтескье. Он пытался играть роль пресыщенного интеллектуала. Держал дистанцию, говорил о политике Бал-

кан и курсе луидора. Мэри слушала его ровно три минуты, сидя в глубоком вольтеровском кресле. Затем она медленно сняла перчатку.

Воздух между ними дрогнул. Принц замолчал на полуслове. Его взгляд прилип к линии ее обнаженного запястья, к синеве вен. Библиотека исчезла. Исчезли протоколы, этикет, страх перед династическим скандалом. Осталось только пульсирующее желание опуститься на персидский ковер к ее ногам и положить голову ей на колени.

Он сделал то, чего не делал ни перед королевой-матерью, ни перед Папой Римским во время визита в Ватикан. Он встал со своего кресла, обошел стол красного дерева и преклонил колено прямо на жесткий паркет библиотеки.

— Ваше Высочество, — голос Мэри прозвучал тихо, но заполнил собой весь огромный зал. — Поднимитесь. Колени нынче вредят суставам монархов.

Принц поднял голову. В глазах принца стояли слезы искреннего восторга. — Приказывайте, — прошептал он. — Всё моё золото. Вся моя гвардия. Мой титул. Моя кровь.

— Титул оставьте себе, Луи, — усмехнулась она. — Кровь тоже пригодится для парадов. А вот вашу гвардию... да. Гвардию я возьму. Мне нужен новый начальник охраны. Старый слишком много пьет и болтает лишнее в кабаках. Назначьте капитана Ренара. Он знает свое дело и умеет держать язык за зубами. Кроме того, принц... мне надоело ездить в наемных каретах. Постройте мне вагон. Железнодоро-

рожный. Королевский салон-вагон. Лучшую мастерскую Лиона наглухо закрыть на месяц. Только для меня. Обивка из кожи ската, серебро Кристофля и система отопления, которая не воняет углем.

Принц выслушивал эти распоряжения государственного масштаба с трепетом послушного школьника. Каждое слово казалось ему вершиной государственной мудрости. Вагон? Конечно! Зачем будущей императрице смешиваться с толпой в общих вагонах? Начальник охраны? Как он сам не заметил порочности старого капитана!

Когда Мэри покидала Пале-Рояль, вслед за ней на крыльцо высыпали камергеры, адъютанты и гофмаршалы двора. Они смотрели на захлопнувшуюся дверь экипажа с выражением потери чего-то бесконечно важного. Сам принц стоял у окна, провожая взглядом задние фонари ее кареты, пока они не растворились в тумане Сен-Оноре.

Восхождение имело и обратную, теневую сторону. Чем выше поднималась звезда Прекрасной Мэри, тем ниже опускалась температура вокруг нее.

Женщины начали объединяться. Холодная война салонов переросла в открытый заговор. Герцогиня Арман, чья семейная жизнь публично растоптана; мать Виктора, фанатичная католичка, считавшая Мэри воплощенным дьяволом; брошенная Антуанетта Леклерк, потерявшая не только жениха,

но и место в высшем свете — они встретились тайно в монастыре кармелиток.

— Она опоила их, — шипела старая герцогиня, трясая тройным подбородком. — Всех! Там нет здоровых мужчин. Весь Париж ходит с бельмами на глазах! — Мы должны пойти к Королю, — вторила ей мать Виктора. — Потребовать расследования Священной Инквизиции! Найти флаконы! Сжечь ее заживо на Гревской площади! — Король смотрит на нее глазами своего племянника, дура, — отрезала Антуанетта. Теперь, лишённая защиты Виктора, она впервые за долгое время смогла мыслить ясно, и яд ненависти выжег из нее остатки романтической глупости. — У нас нет доказательств магии. У нас есть только разбитые сердца и пустые банковские подвалы. Нужно действовать иначе. Тот, кто управляет мужчинами, всегда слеп к женщинам. Нам нужна контр-стратегия.

Они решили использовать единственное оружие, которое оставалось доступным — правду и старые долги. Они наняли лучших частных агентов *Surete*, чтобы раскопать прошлое семьи де Вильнёв. Оказалось, что мать Мэри умерла в лечебнице для душевнобольных, сгорая от лихорадки и выкрикивая формулы на латыни. Что отец проиграл состояние не только в карты, но и финансируя какие-то подозрительные экспедиции в Египет за «философским камнем». Почва для скандала была благодатной. Оставалось только дожидаться ошибки самой Мэри.

А Мэри ошибок не совершала. Она наслаждалась игрой.

Она посетила верфи господина Бароша, строящие броненосцы для флота. Адмиралтейство годами не могло выбить финансирование на новые корабли. Парламент блокировал каждый законопроект. Мэри провела сорок минут в кабинете владельца верфей. Когда она вышла, господин Барош лично проводил ее до кареты, поддерживая под локоть дрожащими руками. Через неделю парламент неожиданно проголосовал за экстренный заем флоту. Верфям достался контракт на постройку пяти новейших крейсеров. Господин Барош отправил Мэри платиновый компас, стрелка которого вместо севера всегда указывала на миниатюрный медальон с ее портретом.

Она спустилась в шахты Па-де-Кале, инспектируя добычу антрацита для заводов Круппа. Угольные бароны, люди черные от сажи, грубые и пропахшие подземельем, встретили ее в парадных сюртуках, выстроившись в шеренгу. Управляющий, человек с кулаками размером с небольшую тыкву, упал в обморок, когда она спросила его о технике безопасности для детей-каталей. Очнувшись, он отдал приказ повысить зарплаты на двадцать процентов и построить первую в регионе школу для шахтерских детей, назвав ее «Институтом имени Марии-Примириельницы».

Ее власть становилась тотальной. Она пронизывала общество вертикально — от грязных подвалов трущоб Бельвиля до золоченых шпилей Нотр-Дама. Мужчины отдавали ей

свои империи, свои состояния и свои принципы с радостью мучеников, восходящих на крест. Экономика страны начала незаметно перестраиваться под нужды одного фонда. Цены на акции определенных компаний взлетали до небес просто потому, что накануне Мэри задержала на них свой взгляд чуть дольше обычного во время театральной премьеры.

Сам Виктор начал вызывать у нее легкое физическое отвращение. Его собачья преданность была эффективна, но эстетически омерзительна. Он похудел, осунулся, перестал спать. Ночью он сидел в кресле у дверей ее спальни, охраняя сон той, кто разрушила его жизнь, считая это высшей формой рыцарского служения. Иногда Мэри просыпалась от ощущения чужого взгляда. Она открывала глаза и видела его силуэт в полумраке. Он сидел совершенно неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрел на нее с такой экзистенциальной мукой и любовью, что ей иногда хотелось плеснуть ему в лицо воды, чтобы привести в чувство.

Однажды ночью, когда город спал под проливным дождем, она встала с постели. Накинула тяжелый шлафрок поверх ночной рубашки. Прошла в кабинет своего нового особенняка. Открыла секретер. Достала черную кожаную книгу — лабораторный журнал.

Формула работала идеально. Токсичности ноль. Привыкания физического — ноль. Привыкания психологического — стопроцентное.

Но был побочный эффект, который она заметила недавно,

анализируя поведение объектов вдали от нее. Синдром отмены протекал бурно. Если мужчина долго не видел ее, не получал новую дозу визуального подтверждения, его психика начинала трещать по штампам. Начинались галлюцинации. Навязчивые идеи. Попытки самоубийства на почве невозможности воссоединиться с «идеалом». Капитан Ренар, назначенный начальником охраны, вчера прислал ей букет из ста одной черной розы — знак вечной любви и угрозы убийства любому, кто на нее посмотрит. Нефтяной магнат из салона мадам Режан окончательно сошел с ума, удалился в деревню и основал секту почитателей деревянной статуэтки, отдаленно напоминающей профиль Мэри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.